

Курмояров И.

**Что писали о казаках в войну
1914-15 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. К.**
Что писали о казаках в войну 1914-15 гг / Курмояров И. – М.: Книга по Требованию, 2023. –
138 с.

ISBN 978-5-519-91931-9

ISBN 978-5-519-91931-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

ВСКОЛЫХНУЛСЯ ДОНЪ.

Я былъ очевидцемъ историческаго момента въ жизни донскихъ казаковъ—ихъ мобилизаціи. Великій моментъ! Читатель, не осудите, что по соображеніямъ вполне понятнаго свойства я не буду касаться ни цифръ, ни датъ. Впрочемъ, что я говорю: развѣ будутъ числомъ? Посмотрѣли-бы вы, какъ всколыхнулись казаки, когда раздался первый зовъ къ бою!..

Это было поздно вечеромъ. Пакетъ въ станицѣ изъ окружного управленія получили, какъ обычную бумагу, хотя гонецъ безъ усталости проскакалъ добрую полсотню верстъ.

— Что привезъ? спрашиваютъ казаки курьера.

— А вотъ прочитайте.

Прочитали и не повѣрили.

— Да ты откуда?

— Изъ окружной.

— Значить, это вѣрно?

— Да что такое? любопытствовали казаки.

— Мобилизація, братцы! Война!

— Война? Ура! Ура-а!..

Маленькое, продолговатое зданіе станичнаго правленія вдругъ ожило. Десятки голосовъ кричали, шумѣли, люди волновались и—я къ этому внимательно присматривался,—въ самомъ настроеніи невольныхъ свидѣтелей доставки важнаго пакета изъ округа было что-то праздничное, бодрое и серьезное.

— Подать флаги съ фонарями... Послать за конными... Живо! слышалась отрывистая команда урядника, замѣнявшаго станичнаго атамана.

Какъ будто по маговенію волшебной палочки, черезъ нѣсколько минутъ у дверей старенькаго правленія стояли конные казаки, держа въ правой рукѣ красный флагъ съ фонаремъ того-же цвѣта.

Но ихъ было мало: на всѣ хутора курьеровъ не хватило.

— Эй! Кто ѣдетъ? слышу голосъ полицейскаго.

— Казакъ Михаилъ Жариковъ. Съ поля хлѣбъ везу.

— Выпрятай, Михайло! Поскорѣй!

— Да что такое? Я хлѣбъ не укралъ, лошадь моя...

Чего вы?

— Выпрягай, тебѣ говорятъ!

— Кто ѣдетъ? опять слышался окрикъ.

— Да я, съ водопоя.

— Поворачивай сюда!

И когда пакеты на хутора о мобилизаціи казаковъ были готовы, длинная шеренга конныхъ «брызнула» въ разныя стороны. Далекимъ эхомъ неся топотъ копытъ лошадей о сухую дорогу, да красныя точки фонарей тускло мигали въ темной мглѣ ночи.

На утро всѣ знали, что Россія будетъ воевать; знали и то, что войну вызвала «пѣмчуря».

Былъ разгаръ полевыхъ работъ. Оповѣстить тѣхъ, кто былъ на работахъ, было не легко: приходилось чуть-ли не каждому говорить о мобилизаціи.

— Стою это я у вѣшалки, глядь—кульбертъ съ флагомъ! А у меня сердечко такъ и запрыгало... «Ну, говорю, отецъ, я больше тебѣ не работникъ, я царевъ воинъ—видишь?». Онъ повернулъ голову къ курганику, а кульбертъ возлѣ. Снялъ фуражку, перекрестился. И я... А у самого такъ и забѣгали жилочки, рассказывалъ мнѣ казакъ въ синей, Атаманскаго полка, фуражкѣ. Баба стала голосить. «Ты, говорю, чего на ноги полѣзла? Ахъ, ты безсовѣстная!» «Да — а, жалко вѣдь тоже», критъ. Повыла, повыла и пришла въ себя. Бросили работу, запрягли лошадокъ, поѣхали домой. Я первымъ дѣломъ подточилъ пашку, пересмотрѣлъ амуницію, потомъ...

— Да ты, спрашиваю, знаешь, съ кѣмъ воевать будешь?

— Знаю, съ нѣмцемъ. А долто мы прицѣливались подъ него. Бывало, промахнешься пикой на чучелѣ, а командиръ кричить: «гляди, Поповъ, такъ будешь колотъ—нѣмцу понавишься!» Съ этого времени я съ такой силой и такъ вѣрно про-

калысаю «нѣмца», что самому смѣшно. Кажись, сейчасъ поставь супротивъ меня этого супостата—кишки пикой вышущу.

Отъ него и отошелъ къ другому, третьему, четвертому. *Никто изъ нихъ не пожаловался на судьбу!* Грѣшный человѣкъ, я думалъ, что въ мысляхъ у нихъ будетъ стоять хозяйство, неубранный хлѣбъ, осиротѣлыя семьи... Я думалъ, что внезапность мобилизаціи оставитъ въ душѣ казачьей массы хоть тѣнь сумбурности. Ошибка моя была громадная: лица у казаковъ были веселыя, настроеніе увѣренное, бодрое. Какъ будто былъ великій праздникъ. Они пожимали одинъ другому руки, иные цѣловались...

Небольшая площадка передъ церковью была запружена повозками, пѣшеходами, посѣдланными лошадьми.

Все пошли въ храмъ. Усердно молились казаки. Священникъ сказалъ теплое слово, призывая «вѣчныхъ воиновъ» оправдать Царскій призывъ. Приложились къ кресту.

— Батюшка! Нельзя-ли и лошадокъ окропить святою водою? обратились они къ священнику.

До какой степени каждый шагъ у нихъ былъ обдуманъ, взвѣшенъ. Видимо, они не забывали, *куда и зачѣмъ идти*.

Никто не грозилъ, никто не потрясалъ кулаками въ воздухъ, и только, когда послѣдняя лошадь прошла мимо дьякона, окропавшаго ихъ святою водою, изъ толпы отдѣлился небольшого роста урядникъ съ густою копною бѣлыхъ волосъ на головѣ и съ двумя Георгіями на груди.

— Дѣти наши! Примите отъ станицы благословеніе...

Онъ снялъ фуражку и длиннымъ крестомъ благословилъ застывшую шеренгу казаковъ.

— Мы вамъ вѣримъ: вы не посрамите Донъ... Главное—себя не жалѣйте: все равно смерть бываетъ разъ, а казаку пристойнѣе сложить свою голову на полѣ брани.

Поклонился. Поклонились и казаки. Потомъ перекрестились, надѣли фуражки и сѣли—кто на лошадь, кто на повозку... Тронулись... Заколыхалась и толпа.

— Ура! Ура-а-а!.. кричала станица.

Было что-то торжественное, важное. Казалось, люди сознавали, что они идутъ на великое и правое дѣло защиты достоинства Руси, защиты беззащитныхъ.

— Жалко, что и насъ не позабрали! говорили мнѣ старые казаки.

— Ну, куды вамъ: и на лошадь не влѣзете!

— Кто, мы?

Задѣлъ за живое.

— Да мы лучше любого изъ молодыхъ проскачемъ, да и рубку не забыли.

И не успѣлъ я сказать, что попутить, какъ мимо меня летѣли, размахивая шашками, четыре побѣлѣлыхъ старика.

— Мы не то што... а еще получше молодыхъ! оправдывались они.

Да, война великая вещь. Она умѣетъ будить въ людяхъ здоровыя силы, лишь-бы душа была затронута.

— Ужъ сколько намъ не сторожить этихъ чертей по границамъ! Пора покончить съ нѣмцами... Зазнались... Привыкли на насъ плевать, думаютъ, это имъ даромъ пройдетъ... Ну, погодите, поточимъ о васъ пики!—говорили старые казаки.

Скоро изъ станицы выѣхалъ и я. На пароходѣ (по Дону) мнѣ пришлось говорить со многими казаками разныхъ станицъ. И думы, и настроенія у всѣхъ удивительно ровныя. Объ одномъ жалѣють, что стариковъ обошли.

(«Русск. Инв.», № 170. 1914 г.).

КАЗАЦКАЯ ПѢСНЯ.

(пѣтая липойными казаками 12-го августа 1854 г. въ лагерѣ при Ахъ-Ізюмѣ въ Азіатской Турціи¹⁾).

Съ Малки, съ Терека, съ Кубани,
Довелось собраться намъ,
Чтобы дали Сасурмане
Честь и мѣсто казакамъ.

Видно Турки въ самомъ дѣлѣ,
Заортачились не въ прокъ,
Позабыть уже успѣли,
Прежде заданный урокъ.

Лѣзутъ съ грозною замашкой:
Мы на встрѣчу выйдемъ къ нимъ,

¹⁾ Ореографія подлинника.

Да казацкой доброй шашкой
Въ Туркѣ память подновимъ.

Для начала, ради скуки
Мы потѣшимся слегка,
Пусть себѣ башибузуки
Распознають казака.

А когда ряды низама
Фронтъ безчестный развернуть,
Имъ же больше будетъ срама,
Какъ отъ нашихъ побѣгутъ.

То-то, знатная работа!
Распотѣшья тутъ сполна!
Гдѣ ни взглянь — у насъ ворота,
А у нихъ валить стѣна.

Ихъ Французы обучали,
Англичанинъ имъ кунакъ,
А доучить ихъ едвали,
Не линейный нашъ казакъ.

Хватимъ дружнымъ ихъ ударомъ,
На казацкое ура!
Чтобъ во слѣдъ за Кадыкляромъ,
Помнить имъ Кирюкъ-Дара.

Да и намъ то на станицѣ,
Будетъ что поразсказать,
На Турецкой, какъ границѣ
Мы умѣли воевать.

Противъ силы нечестивой,
Какъ насъ велъ лихой Камковъ,
Какъ нашъ Скобелевъ правдивый.
Службу правилъ казаковъ.

Не жалѣть за Русь, за Бога,
Онъ ни жизни, ни труда,
И хотъ съ нами былъ немного,
Будетъ нашимъ навсегда.

Передъ всѣмъ крещенымъ міромъ,
Пусть же вѣкъ поется намъ.
Честь и слава Командирамъ!
Честь и слава казакамъ!

ВЪ СТАНИЦѢ НА ДОНУ.

Собираются...

«Ой, да собирались храбрые казаки,
Честью славные своей, Донцы,
Ой, да собирались силою своей въ походъ»...
(«Изъ Казачьихъ пѣсень»).

Съ самаго ранняго утра въ Шилевой станицѣ Донской области замѣчалось большое оживленіе.

Изъ окрестныхъ хуторовъ къ ней направлялись дроги, ерандаки, нетычанки и тарантасики на деревянныхъ и желѣзныхъ осяхъ. Всѣ эти подводы были нагружены казачьимъ обмундированіемъ и снаряженіемъ, провіантомъ и фуражемъ. Строевые кони, привязанные къ оглоблямъ или сзади—къ дрожинамъ, были застѣданы. Упряжными лошадьми правили казаки, а въ повозкахъ сидѣли бабы-казачки, большей частью съ дѣтьми. Въ станицѣ подводы развѣзжались по улицамъ, проулкамъ, по дворамъ родныхъ и знакомыхъ.

Пріѣзжіе хуторяне убирали лошадей подъ навѣсы на базаръ и задавали имъ кормъ, а затѣмъ шли въ курени станичниковъ. Тамъ ихъ радушно угощали хозяева, чѣмъ Богъ посылалъ, и поили чаемъ съ пышками и каймакомъ.

За столомъ велись неторопливые разговоры, серьезно и важно, какъ прилично говорить о дѣлахъ, требующихъ обстоятельныхъ заботъ и глубокой думы.

— Все ли въ добромъ здоровьѣ?.. Какъ Господь милуетъ? спрашивали обыкновенно пріѣзжіе.

— Да, нечего Бога гнѣвить: живемъ помаленьку, хлѣбъ

жуемъ... Вы—какъ въ своей благополучности? въ свою очередь спрашивали станичники.

— Тоже не жалуемся... Живенькіе, здоровенькіе.

— Ну—и слава Богу! Значится, завтра въ походъ, пойдешь, чередъ на службу?

— Какъ же, коснулась и насъ мобилизація... Проскакалъ съ флажкомъ. Ходили наши дѣды—отцы, пойдѣмъ и мы теперь противъ нѣмецкаго враги-одолѣнія... И какой опъ, будемъ такъ говорить къ примѣру, этотъ нѣмецъ—оголѣлый! Ишь, какую безпокойству произвелъ себѣ на пагубу. Должно, отоцалъ и затуманѣлъ.

— Это правильно, что оголѣлый! Самъ съ дура-ума на рожищѣ лѣзетъ... А какъ хлѣбъ у васъ?

— Жита уродились дюжа хороши, а пашенничка—скажемъ такъ, что средняя... Сивокормоска еще туды-сюды, вотъ только подгорѣла малость, дожжачку почти мѣсяць не было. А все безъ хлѣба не будемъ, лишь бы убраться съ нимъ поспѣть.

— А кто ее знаетъ! Можетъ, успѣемъ нѣмца побить и пашенничку пріѣхать убрать. А не поспѣемъ, бабы справятся. Если какая маломочна, такъ по сосѣдски ей подсобятъ.

— Какъ не подсобить? Вчерась въ станичномъ правленіи объ этомъ толковали. Мы на войнѣ поработаемъ, а кто дома остался—съ хозяйствомъ управится...

Въ семь часовъ утра открылись лавки и торговля закипѣла, какъ никогда; развѣ только такая бываесть еще въ станицѣ о Крещенской ярмаркѣ въ урожайный годъ.

Казаки покупали все больше вещи, нужныя въ походъ; добавлялись недохватки въ обмундированіи и снаряженіи.

А по лавкамъ такъ и ходили табунами, съ женами, съ дѣтьми, съ отцами и матерями, особенно, если служивые были изъ самой станицы. Нерѣдко и дѣды, опраясь на длинныя клюки, точно древніе патріархи съ своими сѣдыми бородами, шли слѣдомъ и принимали живое участіе въ совѣтахъ, что и гдѣ похощнѣе купить.

Въ жизни казаковъ покупки въ лавкахъ—интересное и серьезное событіе. Каждая вещь осматривается и ощупывается въ мельчайшихъ подробностяхъ, причѣмъ торгуются по цѣлымъ часамъ, иногда лишь только для разговора, да по обычаю. Если не поторговаться въ лавкѣ, то нельзя будетъ и сосѣдямъ

сказать: «Ну—и колгатилися я нонче въ лавкѣ! Шесть разъ уходиль, все ворочали и уступочку дѣлали».

И посѣщаются съ особенной охотой лавки тѣхъ бойкихъ купцовъ, которые не полѣзутъ за словомъ въ карманъ и большіе мастера отпускать такіа крѣпкіа шутки, что отъ нихъ грохочетъ вся толпа покупателей.

...Пойдемъ, братцы, въ лавку къ Степану Митричу! Онъ бядовый, у него животы надорвешь, быкъ его забодай! говорятъ казаки и валяютъ валомъ къ Степану Митричу.

Но мало-по-малу служивые схлынули отъ лавокъ и стали собираться на улицахъ въ хуторскія и станичныя «общества», которыя, подвигаясь вдоль улицъ, росли все больше, и въ нихъ уже «зачинались» пѣсни.

Сперва пѣсни налаживались вяло. Кое-кто изъ казаковъ только пробовалъ запѣвать то одну, то другую, а остальные еще нерѣшительно ихъ поддерживали. Но затѣмъ вдругъ какая нибудь пѣсня подхватывалась дружище, звонче, росла и крѣпла. Подголоски пробирались все выше и выше и тамъ, на самыхъ верхнихъ нотахъ, выводили своеобразныя мелодіи, звѣнѣвшія колокольчикомъ и переливавшіяся ручьемъ...

И вотъ, спустя немного времени, донскіе казакскіе напѣвы, безбрежные, какъ степи, какъ это голубое небо, опрокинутое надъ тихимъ Дономъ, надъ старыми казакскими гнѣздами, станицами и хуторами, разливались далеко и могуче перекатными волнами...

И отъ этихъ, споконъ вѣковъ родныхъ, звуковъ ширилась грудь и трепетало въ ней, полное беззавѣтной удали, казакское сердце!

Такъ можетъ пѣть только богатырь-народъ, крѣпко и глубоко вросшій корнями въ свою родную землю и до смерти ее возлюбившій.

И нѣтъ той силы, какая могла бы его вырвать оттуда!

Цѣлый день до вечера звучала станица пѣснями и гремѣли ружейные выстрѣлы въ честь казаковъ, уходившихъ на службу «царскую-государскую»...

Вечеромъ у станичнаго атамана-есаула Мелихова собралось нѣсколько человѣкъ родныхъ и знакомыхъ. Между ними было четыре офицера, тоже изъ призванныхъ по мобилизаціи

на войну. Почти столѣтній, но еще бодрый и «кряжистый» отецъ атамана, урядникъ и георгіевскій кавалеръ, внимательно вслушивался въ разговоры и часто самъ вставлялъ въ нихъ свои рѣчи. Старикъ онъ былъ словоохотливый и любилъ, какъ выражался, «поумствоваться». Да и то сказать, за свою долгую жизнь ему много пришлось видѣть и испытать, а память у него до сихъ поръ многое сохранила съ замѣчательной отчетливостью».

— Удивительное дѣло, говорилъ молодой священникъ, отецъ Петръ, удивительное дѣло, господа! Горячая рабочая пора, только, Господи благослови, начали косить пшеницу, и вдругъ—все побросали и пошли, и поѣхали собираться на войну. Да, вѣдь, что, главное, удивительно: бросили все хозяйство будто бы совсѣмъ безъ всякаго сожалѣнія!..

— Ну, какъ такъ, батюшка, чтобы не пожалѣть?—сказалъ атаманъ.—Безъ этого нельзя. Какъ своего куска не пожалѣть, опять же всю «абселюцію», семейство?... Да, вотъ, видите-ли, война то выходитъ посерьезнѣе всего этого и передъ ней всякая своя жалость малою кажется, какъ малая капля въ морѣ.

— Что вѣрно, то вѣрно, сынокъ!—отозвался отецъ атамана.—Допрежде всего, такъ надо приложить, что казаки оборонять свое отечество идутъ. Мы завсегда его оборонщиками были и всѣхъ враговъ били. Такая ужъ привычка у насъ, отъ дѣдовъ досталась: какъ гдѣ война, такъ руки и чешутся. И старикъ улыбнулся широкой улыбкой, отъ которой по всему его лицу побѣжали лучами морщины.

— И я такъ думаю, Игнатъ Матвѣевичъ, что къ намъ, казакамъ, по наслѣдству перешла воинская жилка. Вѣдь у насъ и родовъ такихъ нѣтъ, чтобы на войнѣ не бывали!—сказалъ молодой сотникъ Вершиникъ.

— Должно бѣть, что жилка... Бывало меня, когда на Кавказѣ служить, съ Шамилемъ воевалъ, эта самая жилка такъ вотъ и подмываетъ абрека съ лошади свалить. Ну, сваливалъ. Хотя и мнѣ и хорошій гостинецъ поднесли. Какъ къ погодѣ, такъ можжить, про старину вспоминаеть. Прошли мои красные денечки!..—раздумчиво и печально сказалъ старикъ.—Годковъ бы мнѣ десять съ плечъ долой, тогда я бы не отсталъ отъ васъ, къ тому же къ нѣмцамъ подвезли бы на желѣзкѣ... Это не то, какъ покойному моему родителю пришлось въ двѣ-

нащатомъ году чуть не три мѣсяца до непріятеля съ Дону походомъ идти! Пообносились, позакорузли... Одежда и снаряженіе тогда были, не чета теперешнимъ. Даже стремянъ не хватило. Понадѣлали изъ хворосту петель, привязали ихъ къ петлицамъ—вотъ тебѣ и стремяна! И ничего, славно послужили. Помоги Господи и вамъ такъ то!

Съ большимъ вниманіемъ слушали присутствующіе стараго казака, эту живую исторію славнаго прошлаго войска Донского. Слушали и слатали въ сердцѣ своемъ твердую рѣшимость поддержать воинскую доблесть казачества и вписать новыя страницы подвиговъ на поляхъ битвъ, въ его исторію...

Серьезно и торжественно молчали, будто ощутили присутствіе генія войны за правое дѣло, который коснулся своимъ мечемъ сыновей Тихаго Дона, идущихъ на врата: «Будьте рыцарями безъ страха и упрека!»

Станичный атаманъ спросилъ:

— Въ какомъ часу, батюшка, завтра молебсать служивымъ?

— Они просили утромъ — въ шесть. Хотятъ пораньше явиться на сборный пунктъ.

— Такъ-такъ... дѣло. Молебенъ отслужите соборнѣ?

— Разумѣется—всѣ будемъ напутствовать. Мы уже говорили съ отцомъ Тимофеемъ, а онъ передалъ отцу Василию.

Часть подводъ изъ дальнихъ хуторовъ запозднилась и такъ и не въѣзжала въ станицу, а остановилась таборомъ на луту, подлѣ вербовыхъ левадъ и большого рыбнаго озера.

По сосѣдству у станичниковъ пріѣзжіе казаки раздобыли бредень, наловили въ озерѣ бирючковъ и ершей, пока бабы раскладывали провіантъ, кипятили на кострахъ воду и устраивались на ночлегъ. Но поужинавъ щербой и кашей, пріѣзжіе хуторяне еще не скоро утомнились. То тамъ, то сямъ въ таборѣ слышался говоръ, а иногда тихая-тихая пѣсня...

Вотъ сидитъ молодая казачка на ерандачкѣ и, подперевъ щеку рукой, жалобно выводитъ тонкимъ, какъ у комарика, голоскомъ:

«Ой, да каво нѣту, таво только жаль...»

Ой, да отъѣзжаетъ милый вдаль,

Отъѣзжаетъ милый, покидаетъ

Одни только ласковы слова...

А еще то милый оставляетъ

Съ руки перстень своей золотой..